

ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «МОЛЬБА» В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

М. Шафиги¹, А. И. Полищук²

¹ Университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Исследуется речевой жанр «мольба и заклинание» как усиленная просьба с напряженной интонацией. Мольба в отличие от просьбы охватывает ситуации, невыносимые для говорящего, когда ему нужна помощь слушающего. Если «мольбу» предположить в одной стороне вектора, то на противоположной стороне вектора обязательно будет находиться «угроза».

Ключевые слова: речевой акт «просьба», жанр «мольба и заклинание», совет и клятва в роли мольбы, сравнительный анализ русского и персидского языков.

Введение. Речевой жанр «мольба»

По определению М. М. Бахтина, «речевой жанр» формулирует отдельное индивидуальное высказывание. В речевом жанре выделяются свои относительно устойчивые формулы данного речевого жанра. В любой определенной ситуации речевые жанры обладают своими характеристиками: в коротких репликах бытового диалога, военной команде, приказе, деловых документах, научных выступлениях и т. д. [2. С. 237—280, 250—251]. Речевой жанр можно рассматривать и внутри одного и того же социума (носителей одного и того же языка), и на межкультурном уровне, где говорящие относятся к разным культурным сообществам. Образ мышления каждого определенного народа образует такие языковые формулы, которые создают его собственные речевые жанры, неповторимые в ином культурном социуме. Жанровое мышление носителя языка есть нормальное продуцирование собственной речи и нормальное (правильное) восприятие речи коммуниканта [11. С. 235]. Современные концепции рассматривают речевые жанры с точки зрения лингвистики текста и с точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта. Речевые жанры представляют собой коммуникативные формы текстов, где происходит систематизация моделей речевых актов [6. С. 155].

Понятие «речевой жанр» напоминает, скорее всего ситуации коммуникации, где происходит «диалог» [4. С. 640]. В речевом жанре «мольбы» Т. Г. Рабенко отметил жестово-мимические и фонационные знаки. В жестово-мимических знаках он выделяет: а) индивидуальные жесты, напр.: ползать на коленях при мольбе); б) индивидуально-взаимные жесты; в) мимические знаки (взгляд,

эмоциональное состояние и т. д.). В фонационных знаках — интонационные и тембровые модуляции; степень громкости и скорости речи, которые могут варьироваться [5. С. 202].

Экспрессивно-эмоциональные, напряженные, порой трагические ситуации в речевом акте «просьба» акцентируются и усиливаются в жанре «мольба». На формирование каждой формулы речевого акта «просьбы» воздействуют разные социально- и психолингвистические факторы. В речевом жанре «мольба» наиболее часто встречаются элементы фамильярности речи; при этом формулы близки к устной речи и, следовательно, к ситуациям диалога. Речевой акт «просьба» и речевой жанр «мольба» обладают императивным характером, но в них отсутствует значение «приказа». Адресатом мольбы может стать либо человек, либо бог, к которым говорящий обращается с просьбой, имеющей для него жизненно важное значение. В «мольбе» и «заклинании» нормы вежливости действуют в особой форме. При этом основная интенция ситуативного коммуниканта заключается в уговаривании и призыве к оказанию любезности. Так, «упрашивание» и «уговаривание» являются дополнительными языковыми стратегиями к речевому жанру мольбы» [Там же. С. 200]. Следовательно, при мольбе нарушается так называемая максима «количества» принципа кооперации Г. П. Грайса: речь говорящего становится длиннее принятой нормы при просьбе. По сравнению с просьбой мольба обогащается стратегиями уговаривания и упрашивания коммуниканта, что реже встречается или вообще не встречается при просьбе. При просьбе чувство самоуважения не позволяет говорящему унижаться выше некоей этической нормы в своей просьбе

перед ситуативным коммуникантом. Также при мольбе мимика и жесты выражаются энергичнее.

Речевой жанр «мольба» исходит из потребности говорящего в усиленной просьбе. Мольба находится в противоположной стороне вектора речевого жанра «угрозы»; первый содержит элементы вежливости, а при «угрозе» отсутствует чувство вежливости к коммуниканту, «угроза» как жанр имеет характер требования, приказа и способна привести к конфликтной ситуации общения. Речевой акт «угрозы» не является директивой. Требование, выраженное в речевом акте угрозы, представляет собой вид прескриптива, основанный на прагматической пресуппозиции нежелания адресата выполнить каузируемое действие. При угрозе говорящий присваивает приоритет, поскольку находится в позиции силы [3. С. 240—247].

«Просьба есть обращение к кому-либо, призывающее удовлетворить какие-либо нужды, желания. “Мольба” есть горячая, страстная просьба; требование — это настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме; заклинание есть страстная мольба, просьба. Просьба, мольба и требование отличаются друг от друга способом воздействия на адресата. Просьба просто информирует о желании говорящего, чтобы слушающий произвел некоторое действие, мольба апеллирует к эмоциям слушающего, требование направлено на подавление его воли» [5. С. 199—200].

Формулы «мольбы»

Высококачественными формулами мольбы и заклинания в русском и персидском языках являются следующие:

Прошу!	(xāheš-mikonam) (1)	خواهش میکنم.
Умоляю!	(eltemās-mikonam) (2)	التماس میکنم.
	(Tamannā-mikonam) (3)	تمنّا میکنم.
	(Tamannā-dāram) (4)	تمنّا دارم.
	(estedā-dāram) (5)	استدعا دارم.

При сравнении указанных формул выделяется разнообразие существующих эквивалентов в персидском языке, что проявляется благодаря развитой системе тональности выражения вежливости через синонимику персидского языка и довольно суженный арсенал возможностей для выражения мольбы в современном русском языке. Высокая интенсивность «мольбы» в вышеуказанных формах может быть обеспечена добавлением наречия «убедительно» в русском языке и его эквивалента *مصراّنه* (moserrāneh «убедительно») в персидском языке:

Убедительно умоляю вас (тебя)...

(Moserrāneh azatun (azat) tamannā-dāram...)

Добавление вышеуказанного наречия показывает, насколько жизненно важно для говорящего выполнение его просьбы (мольбы) [11. С. 312]. Речевые жанры «мольба» и «заклинание» в большей степени относятся к условиям неофициального общения коммуникантов. Их использование в официальной среде общения может указывать на изменение уровня отношений между ситуативными коммуникантами, например, из-за испытываемых затруднений, нужды или даже плачевного положения дел, наличия кризисной ситуации для говорящего и его потребности в действии со стороны собеседника.

В русском языке при мольбе побуждение формируется с помощью добавления наречий «вдруг», «слезно», «коленопреклоненно», «униженно» и приставки «вс-/вз-» в глаголах «вскричать» и «взмолиться» и указывает на внезапность, резкость и интенсивность начинающегося действия: *Вдруг она вскричала! Вдруг она взмолилась!* [5. С. 201]. Данные языковые средства характерны для речи женщины. Наречие «вдруг» указывает на внезапное проявление мольбы. Наречия «слезно», «коленопреклоненно» и «униженно» дают речи тональность упрашивания. Все вышеуказанные наречия используются при описании ситуации мольбы, вне диалога: речь третьего лица в нарративной тональности.

Языковые средства «так и...» в русском языке и *اینطوری است که...!* (in-tori-st ke...) [так и] в персидском языке находятся в препозиции речевых формул мольбы:

Так и умоляю вас (тебя)

اینطوری است که از شما (از تو) التماس میکنم.

(in-tori-st ke az shomā (az to) eltemās mikonam.)

В обоих рассматриваемых языках указанное вводное выражение *так и* употребляется в диалоге, в речи умоляющего.

В русском языке указанный перформативный глагол часто сопровождается положительной или отрицательной формой инфинитива со значением каузируемого действия. В персидском языке после указанных перформативных форм используется форма аориста (настоящее — будущее время изъявительного наклонения), напр.:

Умоляю тебя надеть теплое пальто.

ازت التماس میکنم لباس گرم بپوشی.

В перформативной конструкции речевого жанра «мольба» возможно также использова-

ние вопросительного предложения с применением глагола во втором лице настоящего времени единственного числа с местоимением «ты» для введения коммуниканта в круг «своих». Данная форма типична для неофициальной среды общения. При этом конструкция «Умоляю тебя» идет в постпозиции к вопросительному предложению, содержащему просьбу говорящего, напр.:

Ты не придешь? Умоляю тебя. (Прошу!)

نمیآیی؟ التماسات میکنم (خواهش میکنم)!

(Nemiāi? Eltemāset (xāheš) mikonam)

«Мольба» в значении необходимости выполнения/невыполнения какого-нибудь действия выражается при помощи слов, говорящих о «надобности»: «надо» باید (bāiad) / «не надо» نباید (nabāiad) в препозиции или постпозиции к формуле «Умоляю тебя», напр.:

Я тебя умоляю, надо! ازت التماس (تمنا) میکنم. باید این کار را انجام شه!

(Azat eltemās (tamannā) mikonam. bāiad in kār anjām bešeh.)

[*Я тебя умоляю, надо! (это дело должно быть сделано!)*]

Я тебя умоляю, не надо! ازت التماس (تمنا) میکنم. این کار نباید بشه!

(Azat eltemās (tamannā) mikonam. nabāiad in kār bešeh)

[*Я тебя умоляю, не надо! (это дело должно быть остановлено!)*]

В качестве синонима положительной конструкции указанной формулы в персидском языке для оформления просьбы может использоваться выражение لازم است (Lāzem-āst) (надо, необходимо): *Я тебя умоляю, надо!*

ازت التماس (تمنا) میکنم. لازم است این کار انجام بشه!

(Azat eltemās (tamannā) mikonam. Lāzem-āst in kār anjām bešeh.)

[*Я тебя умоляю, надо чтоб это дело сделано!*]

Дополнительно еще к двум перформативам, используемым в русской культурной среде, можно отнести формулы: а) «Заклинаю!» и б) «Молю!».

В четырехтомном «Словаре русского языка» АН СССР слово «заклинать» объясняется: 1. Суеверно стремиться воздействовать на кого-либо, что-либо, подчинить кого-либо, что-либо силой заклинаний; 2. Умолять кого-либо, настойчиво просить о чем-либо, во имя чего-либо высокого, святого; 3. Налагать заклятие на кого-либо, налагать запрет на что-либо» [7. С. 528]. И «заклинание» есть «страстная мольба, просьба» [4. С. 528]. При заклинании говорящий обращается к высшим силам Вселенной, призывает их в помощь [11. С. 312].

При этом в иранской культурной среде с большой частотой в ситуации мольбы употребляются языковые средства со значением «клятвы»: قسم میدهم (qasam-midaham) (заимствованное слово из арабского языка) «клянусь тебе» и синоним سوگند میدهم (sogand- midaham) (исконно персидское слово) «клянусь тебе». В данном языке речевой акт «клятва» приобретает значение «мольба». Данная форма явно обогащает значение уговаривания и упрашивания речи говорящего:

Заклинаю! (Qasam-at (midaham)!) قسمات (میدهم)!

Глагол «молю!» обозначает «просить», «умолять» [5. С. 290]. А. Г. Балакай перечисляет следующие конструкции в образовании формул заклинания при помощи перформативного глагола «молю!»: а) *Молю вас (тебя) (о чем-либо, сделать, сделай(те) что-либо; не делать, не делай(те) чего-либо)*; б) *Христом-Богом молю (умоляю, прошу)*; в) *Молю Бога (о... чтобы)* [1. С. 260]. Персидские ситуативные эквиваленты к указанным языковым конструкциям могут быть следующие:

а) *Молю Вас (тебя)!* ازتان (ازت) تمنا دارم!
(Azatān (azat) tamannā dāram!)

б) *Христом-Богом молю!* شما را به خدا قسم!
(Šomā rā be xodā qasam!)

в) *Молю Бога, что-бы...* از خداوند میخوام ت.
(Az xodāvand miḫām tā...)

Рассмотрим отношение речевого жанра «мольбы» к другим речевым актам.

Мольба и благодарность

Речевой акт «просьба» и речевой жанр «мольба», как правило, сопровождаются речевым актом «благодарность». При этом благодарность идет в препозиции к просьбе, имеет значение условия перед каузируемой просьбой и одновременно является обещанием и побудителем-предпосылкой к выполнению каузируемого действия:

Всю жизнь тебе благо- تمام عمر ممنونات / مدیونات خواهم بود!
дарна буду!

(Tamām-e omr mamnoonat / madioonat xāham bood.)

А. Г. Балакай указывает на оборот «детям и внукам закажу (накажу) молиться о вас!», выполняющий действие благодарности перед актом выполнения каузируемого действия [1. С. 260].

Слово «молиться» определено в «Словаре русского языка» АН СССР следующим образом: 1. Обращаться с мольбой, просьбой, благодарностью

к Богу, святым; произносить слова молитвы; 2. Преклоняться перед кем-либо, чем-либо [8. С. 290]. В персидской культурной среде часто в данной ситуации используют нижеследующий оборот как акт благодарности перед выполнением просьбы:

Всю жизнь буду молить- تمام عمر دعاگویتان خواهم
 ся за вас! بود! (3)
 (tamām-e omr doā-guietān xāham-bood.)

Мольба и клятва

Также к числу используемых побудителей в речевом жанре «мольбы и заклинания» можно отнести «клятву». Как правило, в русском языке клятва осуществляется при помощи формулы «Клянусь тебе!» и дополнительных предложных конструкций «ради кого?» и «ради чего?», напр.:

Клянусь тебе, больше قسمت میدهم دیگر این
 так не делать! کار را انجام ندهی!

(Qasamat midaham digar in kār rā anjām nadahi!)

Мольба и совет

Если предполагаемый результат от каузируемого действия обращается к коммуниканту, то мольба в этом случае приобретает оттенок «совета», иными словами речевой акт «совет» формируется в виде «мольбы». Напр.:

Умоляю тебя быть осторожным ازت التماس میکنم احتیاط
 کنی

При этом «совет» может проявляться в виде остановки вредного действия для коммуниканта. Сравните следующие примеры в русском и персидском языках:

Умоляю вас, не живите ради детей.
 ازتان التماس میکنم به خاطر بچهها زندگی نکنید.

Умоляю не курить.
 خواهش میکنم سیگار نکشید.

В формировании речевого жанра «мольба» важно изучать невербальные средства, так как последние образуют паралингвистические и эмоционально-экспрессивные элементы речевого жанра «мольба». Сюда относятся жестово-мимические и фонетические знаки, которые «всегда вмонтированы в речь» [5. С. 202].

Мольба и молитва

Речевой жанр «мольба» находится в тесной связи с актом «молитвы». Молитва, как правило, охватывает просьбу получить что-нибудь у вышестоящего «внедиалогового» адресата — Бога. Он не отвечает на молитву, но одновременно мирянин

уверен в том, что Он его слышит и выполнит высказанную просьбу-молитву в Его адрес. Молитва, как правило, обладает тональностью мольбы и необходимостью обращения к вышестоящему Богу. В представлении мирянина тональность мольбы поможет ему в принятии адресатом его просьбы. При этом мольба означает неизбывную, непреходящую потребность мирянина в Вышестоящем Творителе Земли и Неба, утверждает его слабость перед Богом, поэтому тут просьба-молитва не характеризуется нейтральной, безразличной тональностью речи в выполнении его просьбы. Такой просительной тональностью речи мирянин утверждает: а) то, что «только» Бог может и в силах решить жизненную проблему мирянина, а также то, что мирянин считает себя бессильным в определенной жизненной ситуации, поэтому просит помощи «только» у Бога; б) чувство уважения к Богу — как Творителю Земли и Неба. В первом случае молитва охватывает ситуации с жизненными потребностями мирянина, а также связана с моральной позицией к другому миру: с просьбой прощения грехов, во втором случае она есть разговор мирянина с Богом.

Заключение

Речевые жанры «мольба» и «заклинание» относятся к диалогу, обладают спецификой фамильярности в общении и формой устной речи, вытекают из потребностей говорящего. Его коммуникант должен быть сильнее, следовательно, говорящий нуждается в побуждении коммуниканта относительно выполнения каузируемого действия. В противоположном векторе «мольбы» находится речевой акт «угроза», где говорящий «сильнее» своего ситуативного коммуниканта.

При актуализации потребностей просителя, а также с акцентуацией тона просьбы речевой акт «просьбы» легко способен приобрести оттенок «мольбы». Как правило, пользу, вытекающую из выполнения мольбы (просьбы), получает говорящий. Однако встречаются ситуации, где речевой жанр «мольба» можно использовать в качестве речевого акта «совет»: то есть польза и интерес от выполнения действия ориентированы на слушающего, а не на говорящего.

В обоих рассматриваемых языках речевой акт «мольба» часто сопровождается речевым актом «клятва». При этом клятва обогащает лексическое значение «мольбы». В персидском языке встречаются случаи, где речевой акт «клятва» используется в косвенном значении «мольбы».

Список литературы

1. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М.: Астрель [и др.], 2004. 681 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. URL: <https://www.twirpx.com/file/122741/>.
3. Ерофеева Е. В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50).
4. Иркабаева М. В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // Вестник Башкирского государственного университета. 2010. Т. 15, № 3.
5. Рабенко Т. Г. Жанр мольба и средства его языковой реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64), т. 4.
6. Сибирко Н. С. Проблема жанра в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (66).
7. Словарь русского языка: в 4 т. Т. I. А — Й / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. 852 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К — О / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1983. 736 с.
9. Фомина Ю. С. Роль речевого акта «мольба» в конфликтном тексте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 5. С. 189—194.
10. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 478 с.
11. Шерстяных И. В. Речевые жанры в сознании носителей русского языка (на материале «русского ассоциативного словаря») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 3.

Сведения об авторах

Шафаги Марьям — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Университета им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран. shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

Полищук Александр Иванович — профессор, директор Центра персидского языка и культуры Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия. polyshuk20@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 167—172.

SPEECH GENRE FORMULAS OF APPEAL IN THE RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

M. Shafaghi

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran. shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

A. I. Polishchuk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia. polyshuk20@mail.ru

In this scientific work, we study the speech genre “Appeal and pleading” as an intensified intense request. Appeal, contrary to the request, covers situations that are unbearable and intense for the speaker, and therefore he needs the help of the listener. If we suppose a “plea” on one side of one Vectra, then on the opposite side of the Vectra there is necessarily a “threat”. The border between these concepts is determined by force: in a plea, the strength for performing a causable action is in the hands of the listener; and when threatened, in the hands of the speaker. In the first case, a sense of need is observed, and in the second, feelings of violence. In the Russian language, the form of “Appeal” is limited: умоляю! Молю! Заклинаю! In Persian, the variety of formulas used is much wider. Here the expression of courtesy to a situational communicant play a large role in the formation of prayer formulas: میکنم خواهش! (xāhef-mikonam); میکنم التماس. (eltemās-mikonam); میکنم تمنا. (Tamannā-mikonam); دارم استدعا. (estedā-dāram). The tone of voice can easily turn a popular request formula into a plea: خواهش کنم می! (xāhef-mikonam) please! The speech genre “Appeal” can be used in the meaning of the speech act “council”. In the formation of prayer formulas in the Russian and Persian languages, speech acts “oath” and “gratitude” are often involved before performing a causable action. Keywords: Speech Act “Request”, Genre “Appeal and Pleading”, Advice and Swear in the Role of Appeal, Comparative Analysis of Russian and Persian Languages.

Keywords: *speech act “request”, genre “plea and incantation”, advice and oath in the role of plea, comparative analysis of the Russian and Persian languages.*

References

1. Balakay A. G. (2004) *Tolkovyj slovar' russkogo rechevogo jetiketa* [Explanatory dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow, Astrel [et al.]. 681 p. [in Russ.].
2. Bakhtin M. M. (1979) *Problema rechevyh zhanrov* [The problem of speech genres]. Aesthetics of verbal creativity. Moscow. 445 p. [in Russ.].
3. Erofeeva E. V. (2014) *Politicheskaia lingvistika*, no. 4 (50) [in Russ.].
4. Irkabaeva M. V. (2010) *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 15, no. 3 [in Russ.].
5. Rabenko T. G. (2015) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (64), vol. 4 [in Russ.].
6. Sibirko N. S. (2016) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12-1 (66) [in Russ.].
7. Evgenieva A. P. (ed.) (1981) *Dictionary of the Russian language: in 4 vol. Vol. 1. A — Ы*. Moscow, Russian language. 852 p. [in Russ.].
8. Evgenieva A. P. (ed.) (1983) *Dictionary of the Russian language: in 4 vol. Vol. 2. K — O*. Moscow, Russian language. 736 p. [in Russ.].
9. Fomina Yu. S. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5, pp. 189—194 [in Russ.].
10. Formanovskaya N. I. (2007) *Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikacija i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, IKAR. 478 p. [in Russ.].
11. Sherstyanih I. V. (2019) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 12, iss. 3 [in Russ.].